
А.А. Зедгенидзе

ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ: ГРАНИЦЫ И ЭЛЕМЕНТЫ ПОЛИСА В КОНЦЕ V–IV В. ДО Н.Э.

В статье исследуется территориальная структура херсонесского полиса и взаимосвязь его элементов, а также их обусловленность географическими особенностями Гераклеийского полуострова. К базовым элементам полиса относятся сам город, укрепление на перешейке Маячного полуострова, дорога между городом и этим укреплением, размежевка вначале Маячного мыса, затем остальной территории Гераклеийского полуострова. Эти элементы полиса имели смысл только во взаимосвязи и при условии их одновременного функционирования (с конца V в. и в течение IV в. до н.э.) и являлись продуктом единого плана. Укрепление на перешейке Маячного полуострова, отождествляемое с «древним Херсонесом» Страбона, определяется нами как фрурион херсонесского полиса, созданный для овладения и контроля над территорией, изначально населенной варварами – таврами. Он фиксирует западную границу полиса и таким образом закрепляет за ним территорию, лежащую между городом и Маячным мысом. Определение в качестве фруриона следует из того, что этот объект, во-первых, бесспорно является укреплением, поскольку имеет оборонительные стены с башнями. Во-вторых, он находится на определенном удалении от города, однако в силу своего географического положения может принадлежать только Херсонесу и не является независимым поселением. Можно с достоверностью говорить о двух участках фруриона, которые создаются за счет диатейхисмы, разделяющей верхнюю («акрополь») и низинную части укрепления. Существенно, что оборонительные стены ограждают не только заселенную низинную часть перешейка, но всю его территорию. Наличие незаселенного, но при этом замкнутого стенами и обрывом пространства в верхней части перешейка, где находится культовый объект – храм, дает основание говорить об акрополе фруриона. После освоения всего Гераклеийского полуострова фрурион утрачивает свое первоначальное значение, и необходимость в нем как в военном объекте отпадает. Скорее всего, этим объясняется то, что ко времени Страбона он обветшал и был разрушен или разобран. В статье вводится в научный оборот акрополь «древнего Херсонеса» и дается вариант реконструкции храма на акрополе, раскопанного в 1890 г. К.К. Косцюшко-Валюжиничем, который составил его план и сделал краткое описание, являющееся основой для нашей реконструкции. Предполагается, что этот храм также мог использоваться как сокровищница.

Ключевые слова: полис, хора, тавры, «древний Херсонес» Страбона, акрополь

Введение

В «Географии» Страбона (VII. 4. 2) сказано:

«Если плыть дальше вдоль побережья, следует выдающийся в море на юг большой мыс (ἄκρα μεγάλη), который составляет часть целого Херсонеса (μέρος... τῆς ὅλης χερρονήσου). На этом месте расположен город гераклейцев (колония гераклейцев на Понте), который также называется Херсонесом и отстоит, если плыть вдоль берегов, на 4400 стадиев от Тираса. В городе есть святилище Девы (какого-то божества). В 100 стадиях перед городом находится мыс, названный по имени этого божества Парфением, с храмом божества и его статуей. Между городом и мысом три гавани. Затем следуют Древний Херсонес, лежащий в развалинах (ἡ παλαιὰ Χερρόνησος κατεσκαμμένη), и потом гавань с узким входом, где тавры, скифское племя, обычно собирали свои разбойничьи банды, нападая на тех, кто спасался сюда бегством. Эта гавань называется Символон Лимен и образует вместе с другой гаванью под названием Ктенунт перешеек в 40 стадиев. Это перешеек, который замыкает Малый Херсонес (τὴν μικρὰν χερρόνησον), составляющий, как я сказал, часть Большого Херсонеса (τῆς μεγάλης χερρονήσου μέρος), с одноименным полуострову городом Херсонесом...» (пер. Г.А. Стратановского).

Обозначение χερρόνησος в этом тексте относится к четырем объектам: 1) «целый Херсонес», или «большой Херсонес» (ὅλη или μεγάλη χερρόνησος), – это весь Крым; 2) его часть составляет «большой мыс» (ἄκρα μεγάλη), или «Малый Херсонес» (ἡ μικρὰ χερρόνησος) – Гераклейский полуостров (μέρος... τῆς ὅλης χερρονήσου); 3) на нем расположен Херсонес – полис гераклейцев, и 4) «древний Херсонес, лежащий в развалинах». Последний пункт также именуется в литературе «Страбонов Херсонес». Он отождествляется с укреплением полиса, возведенным на перешейке Маячного мыса – северо-западной оконечности Гераклейского полуострова (Зедгенидзе 2015а. С. 41, 51).

Рис. 1. Гераклейский полуостров (1) на карте Крыма.

Fig. 1. Heracleian Peninsula on the map of the Crimea.

Гераклейский полуостров (рис. 1) представляет собой треугольное плато, площадью ок. 12 000 га, омываемое с северо- и юго-запада водами Черного моря. Его границами являются глубоко вдающиеся в сушу бухты: на севере – нынешняя Севастопольская бухта, на юге – Балаклавская бухта. С юго-востока он ограничен склонами Сапун-горы, ниже которых идут Караньские высоты. Юго-западное побережье полуострова между маяком на мысу и Фиолентом представляет собой обрывы высотой до 30 м. Плато полуострова пересекают подходящие к бухтам балки; некоторые из них имеют крутые склоны, нарушающие равнинность полуострова. Многие балки имеют источники пресной воды.

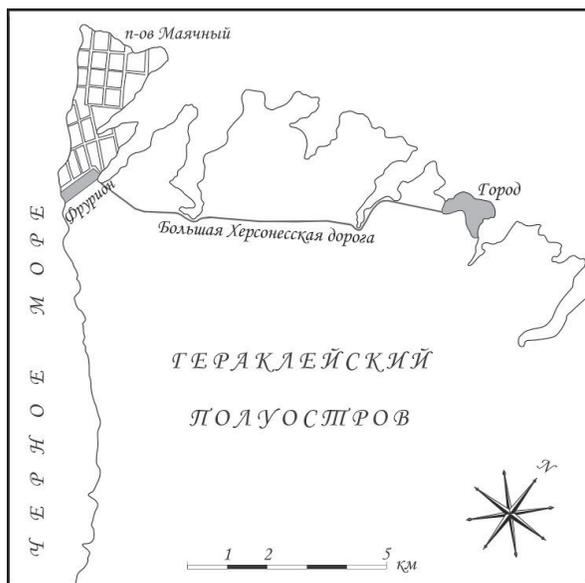

Рис. 2. Схематический план Херсонесского полиса в начальный период
(выполнен А.А. Зедгендзе).

Fig. 2. Schematic plan of the polis of Chersonesus in the early period
(by Angelina A. Zedgenidze).

Херсонес Таврический является ярким примером и, можно сказать, моделью освоения территории древними греками. В данном случае освоение территории включает в себя следующие основные элементы: во-первых, возведение города, вокруг и для которого создается дальнейшая инфраструктура; во-вторых, создание базы для существования города – это хора, имеющая четкие границы; в-третьих – создание системы защиты как города, так и хоры. Важной особенностью освоения территории в случае Херсонеса является то, что оно происходит не просто с нуля

(на этой территории не было предшествующей инфраструктуры, которая могла бы служить непосредственной основой той пространственной системы, которую имеет Херсонесский полис¹), но в условиях присутствия варварского населения, являвшегося источником потенциальной угрозы. Пространственная система Херсонеса в ее базовых элементах – это не результат эволюции, происходившей на данной территории, и тем более не результат хаотичного расширения города и разрастания его окружи. Это результат четкого плана, принесенного колонистами. Базовыми территориальными единицами полиса в начальный период являются сам город у нынешней Карантинной бухты, укрепление на перешейке Маячного полуострова, дорога между городом и этим укреплением, размежевка на Маячном полуострове (рис. 2); несколько позже был размежеван Гераклеийский полуостров²; возможно, еще позже появились оборонительные сооружения на восточной границе, между устьями Севастопольской и Балаклавской бухт. Фрурион на перешейке Маячного полуострова защищает западную оконечность полисного пространства, размежевка на Гераклеийском полуострове (т.е. на основной части хоры) происходит в зависимости от линии дороги между городом и фрурионом. Таким образом, все базовые элементы полиса – и город, и фрурион, и дорога, и обе размежевки – имеют смысл только во взаимосвязи и при условии их одновременного функционирования (с конца V в. до н.э.; однако понятно, что на строительство тех или иных конкретных объектов и на размежевание Гераклеийского полуострова требовалось определенное время). Следовательно, эти элементы полиса являются продуктом единого плана,

¹ Теоретически нельзя исключать наличие некоего жилища на месте будущего Херсонеса (Сапрыкин 2018. С. 495; Буйских 2008. С. 40; ср.: Суриков 2009). Однако достаточные материальные свидетельства о нем отсутствуют (Буйских 2008. С. 244), не говоря о том, что Херсонесский полис является структурой совершенно другого уровня и потому не может считаться продолжением этого «поселения». Граница раннего города датируется рубежом V–IV вв. (подробно о соответствующем археологическом материале см.: Зедгенидзе 1978. С. 76–78); позже, с расширением города, его граница, естественно, изменилась. Таким образом, можно уверенно говорить о разных строительных периодах Херсонеса, но это именно Херсонес, Херсонесский полис, а не разные образования. Так же датируется укрепление на перешейке Маячного п-ова, что свидетельствует о начале развития хоры и, в целом, о создании системы полиса в конце V в. – начале IV в. до н.э. (анализ материала и аргументацию см.: Зедгенидзе 1993).

² С.Ф. Стрелецкий (1961. С. 41, 52) относил разделение земель Гераклеийского п-ова к рубежу IV–III вв. до н.э., определяя в качестве первой фазы размежевание Маячного п-ова (начало IV в. до н.э.). Ю.Г. Виноградов и А.Н. Щеглов (1990. С. 317) датировали ее началом второй четверти IV в. до н.э. С.Ю. Сапрыкин (1994. С. 136, 137; 2018. С. 496) относит размежевку земли на Маячном п-ове ко второй четверти, на Гераклеийском – к третьей четверти IV в. до н.э., В.М. Зубарь (2004. С. 91) – к последней четверти IV в. до н.э. А.В. Буйских (2008. С. 74) пишет о одновременном размежевании Гераклеийского полуострова, включающем Маячный мыс, и относит его к середине – третьей четверти IV в. до н.э. Исследования «древнего Херсонеса», безусловно связанного с хорой на Маячном полуострове, не позволяют согласиться со столь поздней датировкой его размежевания (Зедгенидзе 2015а. С. 45; 2016. С. 620).

а не возникают независимо друг от друга. При этом следует учитывать, что регулярная планировка хоры едва ли могла быть древнее регулярной планировки города. Система размежевки на Маячном полуострове датируется рубежом первой – второй четверти IV в. до н.э. (Сапрыкин 2018. С. 496). К этому времени регулярная планировка в том или ином виде должна была существовать и в городе, а значит, к этому же времени функционировала и система полиса в целом.

Сооружения на перешейке Маячного полуострова можно отнести к числу наиболее сложных и рискованных археологических объектов. Это связано с тем, что изначально не была ясна ни их структура в целостном виде, ни их назначение. Страбон, говоря о Херсонесе – колонии гераклеяцев – упоминает еще другой пункт поблизости с ним – «древний Херсонес», – и сообщает, что он был разрушен. Таким образом, и письменный источник не вносят ясности в вопрос о назначении «древнего Херсонеса» и о его связи с Херсонесом-городом. Ситуация усугубляется тем, что эта территория была повреждена в XX в. при строительстве батареи береговой обороны, в боях Великой Отечественной войны и из-за позднейших застроек, а до того изучалась лишь фрагментарно (что не отменяет ценности тех исследований, т.к. именно они дали принципиально важные для нашей работы сведения о диатейхисме и о храме на акрополе; см. ниже). К началу наших исследований «древнего Херсонеса» общепризнанным фактом была лишь его локализация на перешейке Маячного полуострова (Зедгенидзе 2015а. С. 51)³. В такой ситуации результативность исследования зависит от выбора места раскопок. Начинать раскопки в южной, возвышенной, части перешейка не было смысла из-за того, что этот участок был поврежден в XX в. при строительстве береговой батареи. Кроме того, по сообщению Н.М. Печёнкина, там отсутствовали какие-либо следы античной застройки. Что касается север-

³ Подробнее об истории изучения памятника см. также: Зедгенидзе 2014а; 2014б; 2015а; 2016. В 2018 г. вышла монография Г.М. Николаенко «Древности Маячного полуострова. Археологическая характеристика памятников», где утверждается, что «по своему устройству и назначению поселение на перешейке Маячного полуострова более всего подобно муниципальной клерухии» (Николаенко 2018. С. 87–88). Интерпретации Г.М. Николаенко укрепления на перешейке Маячного полуострова радикально менялись от работы к работе: от укрепления для охраны виноградных питомников к укреплению для охраны маяка и, наконец, к «муниципальной клерухии». Относительно третьей интерпретации полагаем, что без понимания назначения данного объекта нельзя делать вывод о его подобии чему-либо при том, что именно назначение изучаемого объекта в монографии Г.М. Николаенко не рассматривается. При исследовании памятника необходимо прежде всего попытаться обосновать его назначение, исходя из его собственной структуры, а не из внешних аналогий, и затем обосновать причины, по которым он уподобляется чему-либо; в противном случае логическая цепочка построения обрывается и подобранные аналогии рискуют оказаться иллюзией. Клерухией данный объект не может считаться потому, что это исконная часть хоры Херсонеса, изначально входившая в систему полиса, а не находившаяся за его пределами.

ной части перешейка, примыкающей к Казачьей бухте, то там, наоборот, предполагалось наличие интенсивной застройки, что подтвердили и новейшие раскопки (Николаенко 2018). Это был наиболее перспективный район в плане обнаружения «древностей Маячного полуострова». Тем не менее, мы, выбирая место для раскопок, предполагали, что разгадка укрепления не в жилой застройке «портового» района и что раскопками этого района невозможно объяснить назначение укрепления и его место в системе полиса. Более важной казалась центральная часть укрепления; она была наименее понятна и требовала исследования в первую очередь. Раскопки были начаты на одном из немногих участков центральной части, где просматривался вал западной крепостной стены и остатки древних сооружений (Зедгенидзе 2019. С. 610). В результате была открыта часть западной крепостной стены и установлено время ее возведения: конец V – начало IV в. до н.э. Этим же временем датировали восточную крепостную стену укрепления С.Г. Демьянчук и В.А. Нессель (2011. С. 67), что дало дополнительное основание для вывода об одновременном возведении восточной и западной крепостных стен укрепления (Зедгенидзе 2016. С. 605–606, 620–621; о материалах из раскопок крепостных стен см.: Зедгенидзе 2019. С. 620–624). Поселение в северной части перешейка (портовый район) датируется началом IV в. до н.э. – II–III в. н.э. (Нессель, Демьянчук 2015. С. 55). Время функционирования открытого нашими раскопками строительного комплекса, примыкавшего к западной крепостной стене, по находкам монет, амфор, краснофигурной, чернолаковой керамики определяется первой четвертью – концом IV в. до н.э. В результате дальнейших исследований мы пришли к выводу, что укрепление на перешейке являлось фрурионом Херсонесского полиса, существовавшим в качестве такового с конца V по последнюю четверть IV в. до н.э. (Зедгенидзе 2019. С. 632–635).

В данной статье представлена характеристика памятника с точки зрения его места в системе Херсонесского полиса. Рассматривается акрополь фруриона, описание которого стало возможным благодаря изучению пространственной организации укрепления и обращению к акрополям Греции. Дается вариант реконструкции храма на акрополе, раскопанного в 1890 г. К.К. Косцюшко-Валюжиничем, который составил его план и сделал краткое описание, являющееся основой для нашей реконструкции. Разумеется, мы можем дать лишь общее описание структуры и планировки фруриона и его акрополя. Имеющиеся археологические данные, а также предшествующие описания (делавшиеся с самого начала изучения Херсонеса в XVIII в.⁴ и вплоть до того времени

⁴ Этими наблюдениями нельзя пренебрегать, потому что они были сделаны в период наилучшей сохранности античных памятников Гераклеяского полуострова. Подробнее см.: Зедгенидзе 2014а.

XX в., когда территория памятника была местами застроена и повреждена) вполне достаточны для структурно-планировочной реконструкции, необходимой для понимания места данного объекта в системе полиса. Что касается детальной реконструкции всех элементов памятника, то она едва ли возможна – прежде всего потому, что «древний Херсонес» был разрушен уже во времена Страбона⁵.

I. Фрурион

Херсонес, как город, находящийся на побережье и занимающий полуостров (между нынешними Карантинной и Песочной бухтами), можно отнести к числу тех городов, о которых Фукидид сообщает следующее: «Города, основанные в последнее время, когда мореплавание сделалось более безопасным, а денежные средства возросли, строились на самом побережье, укреплялись стенами и занимали предпочтительно перешейки (ради торговых удобств и для защиты от враждебных соседей)» (Thuc. I. 7. 1; пер. Г.А. Стратановского)⁶.

Одна из самых ярких черт Херсонеса – строгая организованность, четкая геометричность в освоении территории⁷. Очевидно, что такое освоение территории было результатом изначального планирования. Размежевание хоры осуществлялось по системе, подобной планировке города, а именно по системе Гипподама (Буйских 2008. С. 105). По свидетельству Аристотеля, Гипподам Милетский «изобрел разделение полисов и спланировал Пирей» (Pol. II. 1267b, 25; пер. С.А. Жебелева). Поскольку полис представлял собой не только город, но включал в себя и хору, у Аристотеля, возможно, идет речь о разделении полиса в целом, т.е. о пла-

⁵ Не отрицая ценность корректных аналогий, мы в то же время не разделяем энтузиазма относительно обязательного поиска и представления аналогий и типологических параллелей. Дело в том, что в случае, когда задачей исследования является цельная реконструкция как структуры, так и функций памятника, крайне трудно подобрать полную и убедительную аналогию; в каких-то элементах аналогии всегда будут уязвимыми, противоречивыми и размытыми – прежде всего в силу уникальности ландшафта и различий в условиях существования каждого полиса. Как пронизательно замечают в связи с другим крымским памятником О. Домбровский и В. Сидоренко, «чем меньше в нашем распоряжении фактов, тем легче строить умозаключения по их поводу. Недостаток же фактического материала при этом легко возмещается аналогиями, которые как бы заменяют, а на деле – подменяют факты. Мобилизуя свою эрудицию, исследователь может невольно отойти от неясной ему исторической действительности» (Домбровский, Сидоренко 1978. С. 6). В самом деле, нельзя же считать полноценной аналогией использование в каком-либо другом памятнике особенностей ландшафта для обороны или наличие там оборонительных стен. Между тем, подобные черты – это единственное, что может оставаться от «аналогий» при ближайшем рассмотрении. Более оправданно говорить об аналогиях относительно отдельных элементов фортификаций и зданий, например, таких, как диатейхисма, создание замкнутого пространства при планировке акрополей и т.п.

⁶ Об этом фрагменте из Фукидида см.: Маньков 2015.

⁷ Возможно, эта территория именовалась ἡ κλρουχική; впрочем, это словосочетание известно из Аристофана (Nub. 203), т.е. является аттическим.

нировке не только города, но и его хоры. Эти процессы не были независимыми, но происходили взаимосвязанно. Сложная и впечатляющая своей геометричностью структура Херсонесского полиса оказалась возможной потому, что к той эпохе, когда был основан Херсонес, у греков, безусловно, уже имелся опыт создания системы, необходимой для существования и защиты города-государства. Собственно, Херсонес можно считать воплощением этого опыта, моделью создания полиса; складывается впечатление, что колонисты наложили уже существующий план на территорию Гераклеийского полуострова. Отсюда, в частности, эта строгость линий межевания, которые не останавливались ни оврагами, ни рвами, ни скалами, по словам Дюбуа де Монпере (2009. С. 215). Тщательность планировки хоры, гигантская трудозатратность работы по созданию системы наделов говорят о том, что хора была с точки зрения колонистов не менее важной частью полиса, чем город. Именно хора была основой существования полиса (Snodgrass 1987. P. 53), и это определяло ценность земель полуострова, прилегающих к городу. Следовательно, эта прилегающая территория должна была иметь четко определенные, охраняемые и укрепленные границы, которые представляли собой материализацию власти над определенной территорией. Эта материализованность, обеспечивающая возможность управления и контроля, так же важна, как, например, превращение мифов и в целом идеологии в физическую реальность в виде церемониальных действий, символических объектов и памятников (DeMarais, Castillo, Earle 1996. P. 16–19). В идеальном случае задача защиты хоры могла бы быть решена, если бы Гераклеийский полуостров был отгорожен с восточной стороны непрерывной стеной, проходящей от устья современной Севастопольской к устью Балаклавской бухты. Однако постройка стены такой протяженности представляется нереалистичной, особенно на первом этапе существования полиса. Тем не менее, оборонительные сооружения имелись и с этой стороны Гераклеийского полуострова, они фиксировались Палласом (1999. С. 42).

Из всех типов древнегреческих фортификаций ближе всего к укреплению на перешейке Маячного полуострова находится фрурион, характеризующийся в литературе как постоянное укрепление или укрепленное поселение, подразумевающее наличие гарнизона, располагающееся в сельской местности и при необходимости служащее убежищем для ее жителей (Lawrence 1979. P. 137, 173). Судя по данным источников (см. их анализ: Nielsen 2002. P. 50–51), фрурион является комплексом строений, может использоваться как сторожевой пост; назначение фруриона прежде всего военное, как оборонительное, так и наступательное. Укрепление на Маячном полуострове вполне соответствует этим признакам.

Расстояние от фруриона до города – 8,5 км по прямой на северо-восток. Фрурион и город связывала дорога, впервые описанная Ф. Дюбуа де

Монпере (2009. С. 216, 218). Создание этой дороги определило конфигурацию размежевания на Гераклейском полуострове, т.к. оси межевания идут параллельно дороге. Таким образом, дорога, связывающая фрурион с городом по кратчайшему пути, является структурообразующим элементом хоры на Гераклейском полуострове⁸, но не на Маячном, где схема расположения наделов была, естественно, иной прежде всего в силу чисто географических причин.

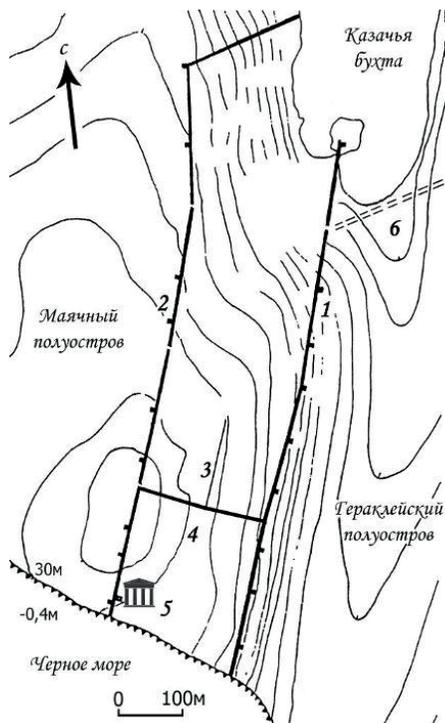

Рис. 3. План укрепления (фруриона) на перешейке Маячного полуострова – «древний Херсонес» Страбона. Конец V – IV в. до н.э.: 1 – восточная (внешняя) крепостная стена, 2 – западная (внутренняя) крепостная стена, 3 – диатеихисма, 4 – акрополь, 5 – храм, 6 – дорога, ведущая в Херсонес-город. Основой четежа послужил план А.Н. Щеглова (1994. С. 299).

Fig. 3. Plan of the stronghold (phourion) in the isthmus of the Lighthouse Peninsula – Strabo's "ancient Chersonesus". Late 5th – 4th centuries BC: 1 – eastern (external) fortification wall, 2 – western (internal) fortification wall, 3 – diateichisma, 4 – akropolis, 5 – temple, 6 – road to the city of Chersonesus (cf. Shcheglov 1994. S. 299).

⁸ Впервые об этом: Зедгенидзе 2015б. С. 109.

Географические черты местности способствовали и созданию укрепления на северо-западной оконечности полуострова. Прежде всего, здесь есть перешеек (шириной ок. 760 м), излюбленное греками место для создания укреплений (см., например, приведенное выше место из Фукидида). Перешеек достаточно узок, чтобы отгородить его непрерывными стенами с обеих сторон – западной, отделяющей Маячный полуостров, и восточной, отделяющей Гераклеийский полуостров. Длина западной стены – ок. 890 м, прослеживаемая длина восточной – ок. 550 м; расстояние между ними – ок. 210 м; общая площадь фруриона – 17,5 га (рис. 3)⁹. Одновременность создания стен нужна была, в частности, для использования пространства между ними в качестве убежища в случае нападения. Чрезвычайно важно, что часть перешейка возвышается над окружающей местностью, что обеспечивает обзор практически всего Гераклеийского полуострова на востоке и всего Маячного полуострова на западе. Со стороны моря на юге фрурион защищен неприступным обрывом. Такое положение затрудняет высадку и нападение с юго-востока: нападающие оказываются в балке прямо под укреплением. Наиболее возвышенной является южная часть фруриона, именно тут реконструируется акрополь. Он был отделен от остальной, низинной, территории фруриона (ὄψολος или κάτω πόλις; об этих терминах см.: Rönnlund 2018. P. 40) поперечной стеной – диатейхисмой, которая относится к тому же времени, что внешние стены фруриона (Зедгенидзе 2019. С. 623, о функциях диатейхисмы см.: Sokolicek 2009. P. 29ff.). Таким образом, можно с уверенностью говорить лишь о двух четко разграниченных в пространственном отношении частях фруриона (разграниченность в данном случае создается стеной – диатейхисмой). А.Н. Щеглов (1976. С. 18) писал о трех частях (по сути – о трех функциональных зонах): возвышенная – акрополь, средняя – «городская застройка»¹⁰, низина – портовая часть. С точки зрения функций этих частей, с данным утверждением А.Н. Щеглова можно согласиться с той оговоркой, что вопросы о наличии четкого пространственного разграничения между средней и портовой частью и о существовании регулярной застройки в средней части остаются открытыми. Позже А.Н. Щеглов (1994. С. 18) изменил свой взгляд на пространственную организацию «древнего Херсонеса» и выдвинул предположение не о трех, а о четырех его участках, разделенных «поперечными толстыми стенами». Следует, однако, иметь в виду, что, кроме диатейхисмы, отделяющей акрополь, фиксации других поперечных стен и достоверных

⁹ Подробнее о стенах и башнях см.: Щеглов 1994; Зедгенидзе 2015а; 2019. Приведенный план фруриона (рис. 3) основан на плане А.Н. Щеглова (1994. С. 299), который был скорректирован в свете наших исследований.

¹⁰ В работе А.Н. Щеглова 1976 г. «древний Херсонес» неточно именуется «городом», «городком».

данных о них нет¹¹. Эта обновленная реконструкция А.Н. Щеглова была связана с идеей о том, что деление площади перешейка Маячного полуострова на 4 дает примерно те же участки, что на остальной территории Маячного полуострова, – ок. 4,5 га. Следовательно, перешеек тоже был разделен на четыре «стандартных земельных участка», два из которых (находящиеся между акрополем и портом) были «земледельческой территорией» (Щеглов 1994. С. 22).

Следует признать, что при исследовании «древнего Херсонеса» Страбона А.Н. Щегловым сделан ряд проницательных наблюдений. Однако проведенные нами раскопки противоречили некоторым выводам А.Н. Щеглова, в т.ч. его интерпретации пространственной организации укрепления. Данная А.Н. Щегловым реконструкция структуры «древнего Херсонеса» не может быть признана вполне убедительной по нескольким причинам. Хуже всего обстоит дело с идеей о земледельческой территории среди крепостных стен: эти стены возводились явно не для того, чтобы оборонять эти земледельческие участки. Во-первых, такое сосуществование и взаимное наложение двух инфраструктур – военной и сельскохозяйственной – на достаточно небольшой и замкнутой площади выглядит странно¹². Во-вторых, это создает несправедливую ситуацию землепользования: владельцы двух участков на перешейке Маячного полуострова оказываются под защитой оборонительных стен, в отличие от остальных наделов. Наконец, обращение к картам и аэрофотографиям показало, что межевые стены не заходят на перешеек, т.е. он обособлен от прилегающих с востока и запада размежеванных территорий. Данные раскопок также противоречили утверждению Щеглова о том, что третий участок представлял собой земледельческую территорию с одной усадьбой, плантажом и оградами внутреннего межевания (Зедгенидзе 2019. С. 612–614). Таким образом, можно говорить об отделении поперечной стеной лишь южной, возвышенной, части перешейка, где находился акрополь.

Здесь следует обратиться к вопросу о том, против кого намеревались обороняться херсонеситы, создавая такие сложные и продуманные системы фортификации. У Херсонеса в начальный период существования не было соседствующего полиса, который можно было бы рассматривать в качестве потенциального противника. Но существовал фактор неизвестного окружения, чужой среды: этот район был заселен таврами. У древ-

¹¹ Г.М. Николаенко также не приводит данных об этих стенах, говоря, что их существование «предположительно» и «вероятно»: Николаенко 2018. С. 26, 27.

¹² Г.М. Николаенко (2018. С. 27) справедливо утверждает, что плантажные стенки и виноградные лозы перекрывали бы доступ к крепостным сооружениям, поэтому они не могли функционировать параллельно. Тем не менее, в ее монографии повторяется гипотеза А.Н. Щеглова о четырех участках.

них авторов тавры пользовались «ужасной славой» (Mela II. 11; Подосинов 2009. С. 234). См., например, у Геродота (Her. IV. 103) яркое описание того, каким образом тавры приносят в жертву потерпевших крушение мореходов и всех захваченных в море эллинов. Геродот подытоживает этот рассказ так: «Живут тавры разбоем и войной» (пер. Г.А. Стратановского). Археологически таврам соответствует кизил-кобинская культура (Кравченко 2010а. С. 149–154). В свое время С.Ф. Стржелецкий (1951. Л. 110) систематизировал материалы, полученные в ходе поисков памятников доколониционного периода на полуострове, сгруппировав их в четыре раздела: 1) памятники, расположенные вдоль побережья бухт от Херсонесского мыса до Инкермана; 2) расположенные вдоль юго-западного, южного побережья; 3) центральная группа; 4) Херсонес. О.Я. Савеля (1996. С. 13), характеризуя археологические материалы Гераклейского полуострова в период, предшествующий основанию Херсонеса, отметил на карте полуострова 18 пунктов с достоверными признаками поселений и дал их описание. Е.А. Кравченко (2010б. С. 61, рис. 2; с. 52) представила «Каталог поселений кизил-кобинской культуры VI–IV вв. до н.э. округа Херсонеса» и обозначила на плане Гераклейского полуострова «Поселения таврского периода кизил-кобинской культуры», определяя хронологию поселений второй половиной VI – концом IV в. до н.э. Что касается географической особенности распределения таврских поселений на Гераклейском полуострове, то, по наблюдениям исследователей, они располагались на прикрытых от холодных ветров склонах балок и ложин и тяготели к плодородным участкам (Савеля 1996. С. 14).

Тавры, населявшие полуостров, не могли не представлять опасность в глазах херсонеситов. Существование какого-либо неукрепленного или слабо укрепленного пункта в гуще варваров, на земле, обитатели которой живут «разбоем и войной», кажется невозможным. Поэтому первой задачей полиса было создание такой системы фортификаций, которая прежде всего обезопасила бы само поселение. Для того, чтобы в дальнейшем свести угрозу к минимуму и создать предпосылку для развития хоры, важно было освободить от тавров всю прилегающую к городу территорию, т.е. весь Гераклейский полуостров. Это было осуществлено посредством создания фруриона на границе хоры – на Маячном мысу. Демографическая ситуация на Гераклейском полуострове в связи с действиями Херсонесского полиса изменилась. Ко второй четверти IV в. до н.э. жизнь в варварских поселениях полуострова прекращается (Савеля 1996. С. 14; Кравченко 2010б. С. 55, 60). Задачей фруриона было также обеспечение безопасности наделов Маячного полуострова; логично поэтому, что размежевание его на надельные участки относится ко времени после возведения фруриона, к рубежу первой – второй четверти IV в. до н.э.

Построив на перешейке Маячного полуострова, т.е. на северо-западной оконечности хоры, крепостные стены, полис закрепил за собой эту границу и, следовательно, всю территорию, расположенную между Херсонесом-городом и «древним Херсонесом».

Однако являлись ли тавры настолько грозной силой, чтобы возводить сложную, стационарную и долговременную систему фортификации? Безусловно, тавры в качестве разбойников и грабителей представляли собой смертельную опасность для мореплавателей и жертв кораблекрушений. Вероятно, они были опасны для греков и на самом раннем этапе существования Херсонеса, до того, как были построены крепостные стены. Они и позднее вполне могли совершать разбойничьи нападения со стороны моря и грабить усадьбы; какие-то средства передвижения по морю у тавров как у прибрежного народа скорее всего были. При отсутствии укрепления высадиться и напасть можно было из любого места, где не было обрыва. Однако едва ли они могли представлять собой значительную угрозу для хорошо организованного и укрепленного полиса. По-видимому, здесь мы сталкиваемся с распространенным в древнем мире явлением – созданием укреплений такого размаха и сложности, которые превышают практические потребности, могущие возникнуть в ситуации реальной обороны, что в исследованиях, посвященных древней фортификации, объясняется в рамках теории монументальности (Trigger 1990. P. 121–122; Rönnlund 2018. P. 12, 124). Разумеется, оборонительные сооружения должны обладать достаточной мощностью, чтобы выполнять свое прямое назначение, однако монументальность таких сооружений не обязательно должна соответствовать их реальным практическим функциям. Она также призвана внушать врагам мысль о том, что мощь и ресурсы создавшей эти сооружения власти несопоставимо превышают их собственные силы. Именно поэтому монументальность архитектуры является наиболее общим и очевидным выражением могущества древних государств. Благодаря монументальным сооружениям, мощь власти наглядно доносится независимо от языка, возраста или культурной принадлежности тех, на кого направлено воздействие. Такие сооружения видны на значительном расстоянии, самим фактом своего наличия они обеспечивают контроль над определенной территорией. В отличие от тех или иных церемоний, которые повторяются периодически, монументальные фортификации являются постоянным воплощением мощи господствующей группы (DeMarais, Castillo, Earle 1996. P. 26). Кроме того, представляется более разумным вложить ресурсы в создание сооружений, превышающих реальные нужды обороны, чем находиться под угрозой нападения, т.к. наличие системы фортификаций снижает возможность войны.

II. Акрополь

Акрополь – благодаря Афинам – является одним из символов античности и входит в число основных понятий, связанных с полисом и, в целом, с Древней Грецией. «Древний Херсонес» имел акрополь, это является важным обстоятельством, поскольку изучение акрополя важно для понимания структуры полиса, логики его пространственной организации и назначения каждого из ее элементов. Честь определения данного участка в качестве акрополя принадлежит Н.М. Печёнкину. Он раскопал и описал диатейхисму, без которой не было бы и понимания акрополя (Печёнкин 1905). В статье мы снова вводим в научный оборот акрополь «древнего Херсонеса». Для Херсонеса этот объект важен еще и потому, что его создание относится к концу V – началу IV в. до н.э. Именно в это время возникли основные элементы инфраструктуры полиса, в связи с чем исследование этого периода и его памятников остается принципиальным для понимания развития Херсонеса.

В 2018 г. в Гётеборгском университете (Швеция) вышла диссертация Робина Рённлунда, посвященная акрополям Греции (Rönnlund 2018). Как ни странно, такой важный элемент греческого полиса как акрополь, до этого практически не имел комплексного систематизирующего исследования. С одной стороны, понятие «акрополь» прочно ассоциируется с афинским Акрополем; с другой – оно стало настолько расплывчатым, что, как пишет Рённлунд, чуть ли не любой холм поблизости с античным поселением в археологической литературе стали именовать «акрополем». Между тем, афинский Акрополь является исключительным явлением в греческом мире, возникшем в результате уникальной исторической ситуации, поэтому в работе Рённлунда он не рассматривается. Основное значение диссертации Рённлунда для нашей работы в том, что он перечисляет признаки, позволяющие определять объект в качестве акрополя и дает систематизацию типов планировки акрополя (Rönnlund 2018. P. 6, 111, 56–58, 83); привлекая это исследование, мы можем включить изучаемый нами акрополь в общегреческий контекст.

Акрополь, согласно определению Рённлунда (Ibid. P. 57–58), – это защищенное стенами пространство, находящееся на возвышении (о чем говорит первый компонент слова) и включенное в систему полиса (что следует из второго компонента). К этому можно добавить, что эта возвышенность не должна быть настолько недоступной, чтобы затруднять коммуникации для самих защитников (Wycherley 1967. P. 5). Кроме того, принципиальна включенность в систему полиса: акрополем не может считаться какой-либо укрепленный пункт или его часть, если этот пункт находится вне системы определенного полиса. Подчеркнем, что акрополь должен образовывать собственное замкнутое пространство, а не

просто являться возвышенной частью укрепления без четкой непрерывной границы. Наш акрополь полностью соответствует этим признакам. Его юго-восточной границей является неприступный обрыв, с запада и востока он защищен стенами укрепления (т.е. стены укрепления являются и стенами акрополя), от остального пространства укрепления (*katō polis*) он отделен поперечной стеной – диатейхисмой. Наличие поперечной стены важно, т.к. без нее не было бы ограниченного пространства и, соответственно, акрополя. С чисто фортификационной точки зрения, диатейхисма нужна для создания укрепленного пространства в случае высадки противника со стороны Казачьей бухты: без поперечной стены враг мог бы беспрепятственно пройти по всей территории укрепления и сразу занять его. Длина западной и поперечной стен в пределах стен акрополя – ок. 200 м, восточная стена несколько длиннее – ок. 250 м, длина обрывистой береговой линии – ок. 300 м. Таким образом, акрополь практически образует квадрат площадью ок. 4 га. Здесь мы снова видим характерную для Херсонеса любовь к геометрически правильной планировке. Толщина всех трех стен, судя по имеющимся данным, – 1,60 м. Восточная и западная стены на участке акрополя предположительно имели по три башни¹³. Что касается планировки акрополей, то Рённлунд (Rönnlund 2018. P. 84) выделяет шесть типов (рис. 4), их общий признак – это непрерывные границы акрополя, вследствие чего он образует замкнутое пространство. Относительно нашего акрополя можно сказать, что стены его, включая диатейхисму, проходят по наиболее возвышенным отрезкам местности, что позволяет считать его относящимся к типу А по Рённлунду.

Безусловно, акрополь в наиболее распространенном случае является частью города и находится внутри его стен. Однако Рённлунд (Ibid. P. 57) также перечисляет объекты, в отношении которых в письменных источниках употреблен термин «акрополь» и которые при этом находятся за пределами города, являясь фрурионами. Характерно также, что А.В. Лоренс (Lawrence 1979. P. 140) называет фрурион «внешним акрополем» (*external acropolis*). Согласно Ф. Винтеру (1971. P. 140), укрепление должно было иметь элементы, необходимые для нормальной жизни: храм, жилую застройку, запас воды, и даже, возможно, агору.

¹³ О стенах, башнях и типах кладки см. Зедгенидзе 2019 и указанную там литературу.

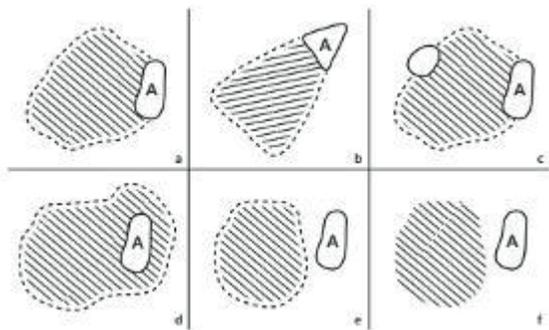

Рис. 4. Типы акрополей относительно поселений (штрих) и их крепостных стен (пунктир). По: Rönnlund 2018. P. 83.

Fig. 4. Types of akropoleis as related to settlements (hatched area) and their walls (broken lines), according to Rönnlund 2018. P. 83.

Одним из назначений акрополя было размещение гарнизона – *phroura* (Lawrence 1979. P. 137; Rönnlund 2018. P. 47). В связи с этим показательная надпись в честь Агасикла (IOSPE³ III: 151), внесшего предложение о гарнизоне и обустроившего его, а также размежевавшего виноградник на равнине. Агасикл не был устройтелем гарнизона в начальный период существования фруриона, т.к. надпись относится к более позднему времени, концу IV – началу III в. до н.э., однако логично, что устройство гарнизона и создание виноградника осуществлялось одним лицом: фрурион входил в систему хоры. Какой-либо жилой застройки на территории акрополя не обнаружено. Н.И. Печёнкин, проводивший разведки на северном участке акрополя в 1911 г., назвал его «чистой площадкой»¹⁴. Это полностью согласуется с ситуацией в Греции: в классическую эпоху на акрополях обычно никто постоянно не жил (Rönnlund 2018. P. 58). Когда воины гарнизона находились на посту, они, вероятно, проводили часы стражи в башнях (Lawrence 1979. P. 130).

¹⁴ Цит. по: Щеглов. 1994. С. 19. Тем не менее, Г.М. Николаенко (2018. С. 26) утверждает, что в 2008 г. отрядом геофизиков Херсонесского заповедника под руководством М.Ю. Николаенко при исследовании геофизическими методами на акрополе были выявлены «новые архитектурно-строительные остатки. В северо-восточной части выявлены остатки плантажных стен; в южной, вблизи башен II и III Восточной стены – фрагменты стен и углов каких-то зданий». На соответствующем рисунке видны хаотичные линии, обозначающие «потенциальные археологические объекты» и «предполагаемые элементы строительных конструкций» (Там же. С. 129). Ссылка на публикацию или отчет М.Ю. Николаенко отсутствует, никакой документации, по которой можно было бы судить о характере обнаруженных объектов, не приводится. Однако «по найденному материалу» (который не описывается и не анализируется) делается вывод, что «этот участок укрепления был обитаем уже в первой половине второй четверти IV в. до н.э.» (Там же. С. 26). О том, что многие постулируемые Г.М. Николаенко выводы не подкреплены анализом конкретного археологического материала, уже писал В.М. Зубарь (2007. С. 267).

Акрополи Греции, помимо фортификационной, имели сакральную функцию. Остатки святилищ находятся в целом ряде акрополей, хотя большая часть этих святилищ недостаточно изучена (Rönnlund 2018. P. 49). Средоточием храмов, алтарей, государственных святынь был акрополь Пантикапея (Толстиков 1987. С. 89–90). На нашем акрополе также находился храм (см. ниже).

На акрополях обычно отсутствует стандартная жилая застройка, они не предназначены для частного землевладения и частного жилья. Смысл акрополя в том, что он представляет собой *общее* убежище, предназначенное *для всех* граждан при том, что владельцы наделов, естественно, могли строить укрепленные усадьбы «для личного пользования» и на собственных участках. Именно в этом заключается основное значение акрополя: это символ единства граждан полиса, материализованного в виде особого пространства, имеющего четкие границы и обособленного от прочих пространств. Граждане полиса занимались частной хозяйственной деятельностью на своих наделах, тогда как акрополь был общим убежищем. Поэтому естественно, что акрополь должен быть как-то отделен от тех зон полиса, которые предполагают частное пользование. С географической точки зрения, он является доминантой прилегающей местности; возвышаясь на ней, он напоминает возможному противнику о могуществе господствующей группы, для собственных создателей является символом безопасности и при этом обособленным священным пространством с его средоточием в виде храма. Образно говоря, без акрополя жизнь граждан воспринималась бы пребывающей во власти хаотических сил – прежде всего из-за отсутствия общего убежища при возможности неожиданного нападения. Между тем, на материальном уровне, а именно в пространственной организации полиса, мы видим в Херсонесе удивительную и в прямом смысле геометрическую упорядоченность. Следует думать, что создатели этой системы и на нематериальном уровне едва ли могли мириться с хаотичностью и уязвимостью существования среди малоизвестного и, по-видимому, враждебного окружения. Это требовало создания акрополя. Добавим, что этим чувствам могла способствовать и возвышенная красота местности, где находился акрополь, – это уходящие вдаль неприступные прибрежные обрывы, морской простор с одной стороны и простирающаяся равнина с сетью наделов с другой.

III. Храм

1. Раскопки

К.К. Косцюшко-Валюжинич, ведя раскопки на Маячном полуострове, в 1890 г. открыл храм, пристроенный к внутренней, западной, крепостной стене укрепления. В рукописном отчете он дал план храма, рисунок

и описание его внутреннего помещения (Косцюшко-Валюжинич 1890. Л. 46; см. рис. 5, 6). В публикации Косцюшко-Валюжинич писал: «Возле первой башни западной стены, но с противоположной, или внутренней стороны, открыто небольшое, квадратной формы, помещение, может быть остатки языческого храма. Здесь устроено нечто вроде жертвенника, от которого уцелели: каменная плита, с несколькими неразборчивыми греческими буквами, обломок тонкой граненой колонки из желтоватого камня, вделанной в базу из такого же камня, и наконец очажок, сложенный из четырех, поставленных на ребро, каменных плит, на расстоянии 6 вершков от жертвенника. Подобные очаги, с остатками бараньих костей, открыты в одной из башен западной стены и в жилом доме возле восьмой башни. В земле, вынутой из храмика, найден обломок каменной надгробной плиты, с изображением задней ноги и хвоста лошади и части одежды всадника, и другой обломок, с неясным очертанием человеческой фигуры» (Отчет Императорской археологической комиссии за 1890 г. С. 38).

В отчете содержатся более подробные данные об артефактах храма: колонка и база выполнены из местного камня, первая вделана в базу, ее сторона, обращенная к стене, отесана для того, чтобы прилегать к стене. Высота фрагмента колонки – 11 вершков (0,57 м), диаметр базы сверху – 8 вершков (0,42 м), снизу – 12 вершков (0,62 м). Вплотную к пьедесталу колонны приставлен жертвенник, основание его сложено из подтесанных камней и перекрыто плитой длиной 22 вершка (1,15 м), шириной 10 вершков (0,52 м) и толщиной 2 вершка (0,10 м). Высота жертвенника в отчете не указана; судя по рисунку, она не превышала 0,50 м. На жертвеннике сохранилась одна строка надписи, которую К.К. Косцюшко-Валюжинич передал так: ΔΙ ΝΥΣΙ (Там же). Второе описание храма сделано А.Л. Бертье-Делагардом (1893. С. 57): «Раскопки открыли стены, уцелевшие на 1½–2 арш. (1–1,4 м) крепостной ограды и маленького храмика Диониса, в котором оказался жертвенник из трех плит в виде низенького стола с вырезанным сбоку верхней плиты одним словом ΔΙΩΝΥΣ; за жертвенником пьедестал для статуэтки бога, составленный из кусков, взятых из других зданий, а именно базы и колонны разных диаметров; все это на своих местах и только не хватало самой статуэтки». Отметим, что в отчете К.К. Косцюшко-Валюжинича зафиксированы план храма и артефакты, благодаря чему мы можем выполнить его реконструкцию.

2. Хронология храма

Из отчета К.К. Косцюшко-Валюжинича мы узнаем, что памятники, обнаруженные при раскопках храма и оставленные на месте (!), там и погибли. Храм и крепостная стена, к которой он примыкал, были разрушены при сооружении береговой батареи. Памятник утрачен, однако

имеющееся описание, план и археологический контекст позволяют сделать выводы о его хронологии. Как говорилось выше, в храме на верхней плите жертвенника сохранилась надпись, прочитанная К.К. Косцюшко-Валюжиничем как ΔΙ ΝΥΣΙ, А.Л. Бертье-Делагардом как ΔΙΩΝΥΣ; последний интерпретировал храм как посвященный Дионису (Бертье-Делагард 1893. С. 57). Ввиду утраты артефактов, обнаруженных при раскопках храма, в т.ч. жертвенника, В.В. Латышев при издании надписи на плите жертвенника вынужден был пользоваться прорисью Косцюшко-Валюжинича. Он датировал надпись по шрифту римским временем, реконструируя имя дедиканта – Дионисий: Δι[ο]νύσι[ος τοῦ δεῖνος ἀνέθηκεν?] (IOSPE I² 706). Не отрицая правдоподобия имени «Дионисий» в качестве имени дедиканта, мы считаем необходимым внимательнее отнестись к обстоятельствам, сопутствующим раскопанному памятнику. Крупнейший исследователь хоры Херсонеса С.Ф. Стржелецкий не согласился с отнесением надписи к римскому времени, считая, что оно могло быть следствием заблуждения Латышева, в которое он был введен записью Косцюшко-Валюжинича, с которой Латышев знакомился по отчету из архива Археологической комиссии. Стржелецкий обратил внимание на условность шрифта, воспроизводимого Косцюшко-Валюжиничем: «Надписи, начиная с IV в. до н.э. и кончая позднеримскими, передаются одним шрифтом». Стржелецкий относил храм к IV в. до н.э., приводя следующие доводы в пользу этой датировки: 1) храм связан с крепостной стеной; 2) на одновременность крепостной стены и храма указывают находки однородных культовых памятников (очагов) в храме, башнях крепостной стены и в примыкавшем к ней жилом доме укрепления; 3) характер кладки стен храма (нечто вроде полигональной кладки) известен в Херсонесе для стен конца IV – начала III в. до н.э.; 4) база и колонна пьедестала статуэтки характеризовались Бертье-Делагардом как очень ранние; 5) в хорошо сохранившемся храме, функционировавшем в течение длительного периода, не найдено вещей римского времени; 6) все находки «этой археологической кампании» (1890 г.), в т.ч. монеты, относятся к раннеэллинистическому периоду, что отмечалось Косцюшко-Валюжиничем и Бертье-Делагардом (Стржелецкий 1948. С. 103–105).

А.Н. Щеглов атрибутировал упомянутый Косцюшко-Валюжиничем фрагмент плиты из храма в качестве фракийского посвященного рельефа с изображением всадника. Исходя из латышевской датировки надписи на плите жертвенника римским временем, Щеглов утверждал, что храм был сооружен не раньше II века.

Характеризуя архитектуру храма «простой и безыскусной», а планировку и размеры обычными для храмов во фракийских святилищах, Щеглов (1969. С. 153, 154) заключил, что данный храм был посвящен фракийским богам. Э.И. Соломоник (1984. С. 7), соглашаясь с тем, что на плите жертвенника в храме высечено имя дедиканта, писала: «То, что плита найдена вместе с изображением фракийского всадника II–III вв. н.э., подтверждает предложенную Латышевым датировку этого памятника». Таким образом, закреплялась датировка храма римским временем, основанная на заключении о том, что плита его жертвенника найдена вместе с фракийским рельефом II–III вв. Однако полагаем, что прямым подтверждением этого заключения могла быть фиксация фрагмента непосредственно в помещении храма или описание стратиграфии раскопок, из которой следовала бы принадлежность рельефа внутреннему помещению храма, но этих данных нет. А.Л. Бертье-Делагард (1893. С. 57), характеризуя артефакты храма, писал: «Остатки зданий, в него попавшие, обнаруживают большую древность». Конструкция перед алтарем (рис. 6) подобна конструкциям, используемым для отправления культа, открытым в других районах укрепления: в башне V западной крепостной стены, в доме № 5 у этой башни, в одном из помещений в северном квартале портового района. Эти объекты функционировали в конце V–IV в. до н.э. (Зедгенидзе 2019. С. 630). В наосе эта конструкция служила священным очагом храма. И главное: датировка храма должна даваться по конструкции здания, а не по легко перемещаемым артефактам. Решающим аргументом в пользу древности храма является то, что он построен в конструктивной связи со стеной укрепления. На плане Косцюшко-Валюжинича (рис. 5) хорошо видно, что западная стена храма параллельна крепостной, а южная стена встроена в крепостную так, что между храмом и крепостной стеной получается коридор шириной 1 м (о его возможном назначении см. далее). Это говорит о том, что расположение храма мыслилось в связи с крепостной стеной укрепления, возведение которой датируется исследователями, А.Н. Щегловым в т.ч., концом V – началом IV в. до н.э., а утрата ею фортификационного назначения относится к концу IV в. до н.э. (Щеглов 1994. С. 26. Демьянчук, Нессель 2011. С. 69, 77; Зедгенидзе 2016. С. 603).

Исходя из этого, сооружение храма также следует относить к концу V – началу IV в. до н.э., т.е. к тому же периоду, что создание фруриона в целом. В более поздний период, по сообщению Страбона (VII. 4. 2), «древний Херсонес» лежал в развалинах, что прежде всего подразумевает разрушение или обветшание крепостных стен, ведь укрепление, собственно, создавалось крепостными стенами. Возведение храма много веков спустя не просто рядом, а в конструктивной связи со ста-

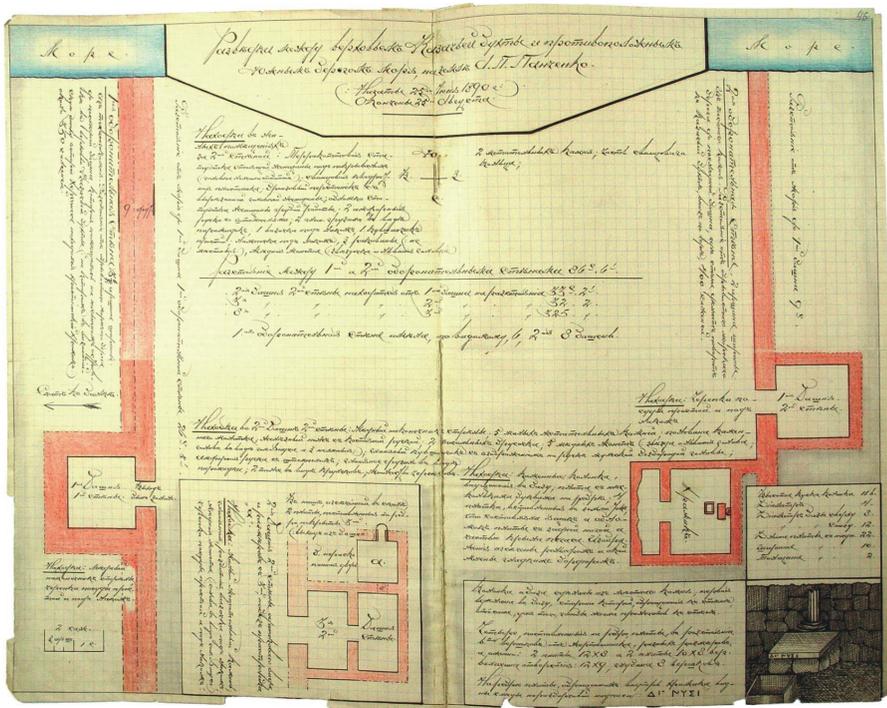

Рис. 5. Рукописный отчет К.К. Косцюшко-Валюжинича за 1890 г. Справа план храма и 1-й башни западной крепостной стены. По: Косцюшко-Валюжинич 1890. Л. 46.

Fig. 5. K. Kościuszko-Waluszyni's handwritten report of 1890. On the right: plan of the temple and the 1st tower of the western fortification wall. Kept at the State Museum "Chersonesus Taurica", Sevastopol.

рой крепостной стеной представляется нам невероятным. Кроме того, зафиксированная на рисунке Косцюшко-Валюжинича кладка стены храма выполнена с соблюдением рядности путем подгонки обработанных камней, некоторые из которых стоят орфостатно (рис. 6): строительная техника храма близка приемам возведения других объектов укрепления (Зедгенидзе 2019. Рис. 10, 2). Всё это, вместе с приведенными выше доводами С.Ф. Стржелецкого, говорит об одновременности строительства стен укрепления и храма, об их структурной соотнесенности.

3. Тип храма, объемно-планировочная и фасадная реконструкция

План храма, выполненный Косцюшко-Валюжиничем и используемый в качестве исходного документа, привлечение данных аналогичных храмов, варианты реконструкции ордерных памятников различной со-

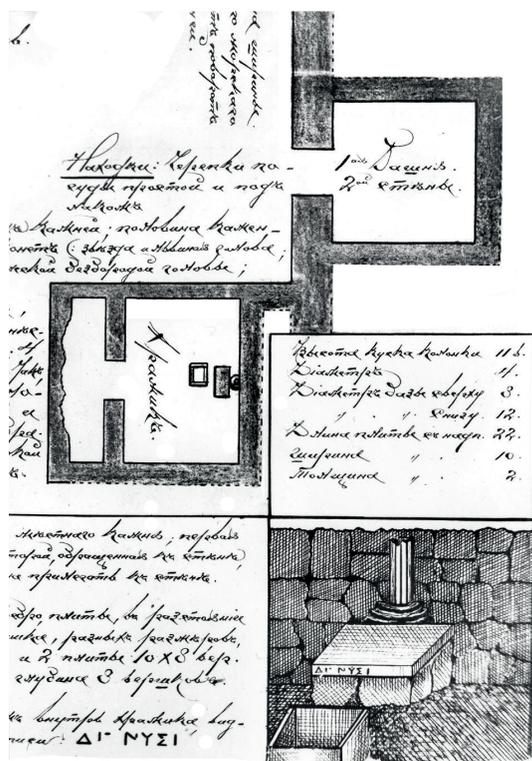

Рис. 6. Храм на акрополе. Наос храма. По: Косцюшко-Валужичич 1890. Л. 46.
 Fig. 6. Temple in the akropolis. The naos. Based on K. Kościuszko-Waluszynski's handwritten report of 1890.

хранности, рекомендации Витрувия позволяют определить тип храма, выполнить реконструкцию его планировочной композиции, ордера, высотных габаритов, объемно-пространственного решения его фасада. Исследуемый храм является всего лишь третьим античным храмом, раскопанным в Херсонесе (ср.: Рыжов 2015. С. 5). Рекомендация Витрувия относительно расположения храмов заключается, в частности, в том, чтобы «из святилищ богов была видна как можно большая часть города» (IV. V. 2). Наш храм находился в юго-западной части акрополя, над открытым морем, на высоте 30 м над его уровнем. Как говорилось выше, это наиболее возвышенный участок местности с прекрасным обзором всей прилегающей территории Гераклеяского полуострова. Подобно многим храмам Греции, он сооружен на границе территории, которой владел полис (Polignac 1995. P. 34. О цепи святилищ, реконструируемой на границах Херсонесского полиса, см.: Зедгендзе 2015в).

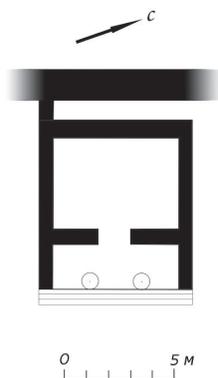

Рис. 7. Акрополь. План храма. Реконструкция А.А. Зедгенидзе. Рис. Д.В. Костромичева.
Fig. 7. Akropolis. Plan of the temple. Reconstruction by A.A. Zedgenidze. Computer drawing by D.V. Kostromichev.

Рис. 8. Фасад храма на акрополе. Реконструкция А.А. Зедгенидзе.
Компьютерная графика И.В. Батуры.
Fig. 8. Facade of the temple. Reconstruction by A.A. Zedgenidze.
Computer drawing by I.V. Batsura.

Коль скоро наш храм не был предметом специального исследования, подробно изложим логику его реконструкции. Храм, фасадом ориентированный на восток, имел прямоугольную форму; длина его по наружному контуру – 8,6 м; ширина – 7 м. Внешние фасы западной и северной стен храма даны на плане Косцюшко-Валюжинича пунктиром. В реконструкции храма мы исходили из того, что толщина его стен была одинаковой – 0,60 м (рис. 7). Восточная часть пронаоса показана на плане Косцюшко ломаной линией; возможно, этот способ фиксации говорит о наличии пьедестала храма и о том, что его фасад не был глухим.

Особенностью нашего храма является его конструктивная связь с крепостной стеной укрепления. Согласно плану Косцюшко-Валюжинича, между крепостной стеной и задней, западной, стеной храма имеется коридор шириной 1 м¹⁵ (рис. 5). Полагаем, что это помещение, будучи обособленным от общественной части храма, являлось опистодомом. В ряде греческих храмов их задняя часть предназначалась для хранения культовых ценностей и казны, как бы отдаваемых под охрану божества (Шуази 1905. С. 372; Виппер 1972. С. 83). Как известно, в Афинах казна хранилась в храмах Акрополя (Маринович, Кошеленко 2000. С. 157–158). Хранилище казны, не имея непосредственного отношения к культу, было отделено от наоса и, как правило, имело отдельный вход в западной части храма (подробно об этом см. ниже).

Размеры храма, его местоположение у крепостной стены укрепления, с которой соединена его южная стена, исключают возможность амфи-простильного или периптерального решения, нет оснований говорить о храме как о простиле. План храма позволяет реконструировать его как храм в антах с опистодомом и пронаосом открытого типа: между боковыми выступами стен – антами – могли быть помещены две колонны, украшающие портик (рис. 7; ср.: Крыжицкий 1993. Рис. 37. 5). Глубина портика составляла 2,18 м. Размеры наоса: ширина – 5,5 м, длина – 4 м. Эти параметры сопоставимы с размерами храмов в антах в Греции (Lavas 1974. Tafeln 16a, 18a, 23, 24, 34, 45). Также его размеры согласуются с храмом в антах, открытым в Северном Причерноморье на Березани, – храм Афродиты – 5,72x4,25 м (Крыжицкий 2001. С. 169). Мы полагаем, что храм был дорического ордера, это следует из его связи с крепостной стеной укрепления, соседством с башней крепостной стены. Наиболее ранние общественные сооружения в Херсонесе возводились соответственно дорийской строительной традиции, в дорическом ордере (Буйских 2008. С. 171). Реконструируя храм, мы обращались к рекомендациям Витрувия, который писал: «Излагаем все это так, как тому научились от наших наставников, чтобы тот, кто пожелает приступить к работе... имел в своем распоряжении установленные пропорции, пользуясь которыми он мог бы правильно и безупречно строить храмы по дорийскому образцу» (IV. III. 3).

Постамент храма мог состоять из трех ступеней¹⁶. Колонны храма, украшенные двадцатью каннелюрами (ср. Vitr. IV. III. 9), не имели базы. Обращаясь к определению высоты колонн храма, отметим, что, согласно Витрувию, большое значение придавалось пропорциональной организа-

¹⁵ Попутно заметим, что усадьбы раскопанного нами строительного комплекса в центральной части укрепления также были пристроены к западной крепостной стене (Зедгенидзе 2016. С. 606).

¹⁶ «Ступени на фасаде надо устанавливать так, чтобы число их всегда было нечетным» (Vitr. III. IV. 4). Ср.: Виппер 1972. С. 84.

ции здания – «симметриям», отношениям элементов друг к другу и к зданию в целом, что выражалось в постоянных цифрах. Толщина колонн должна равняться толщине стенных ант (Vitruv. IV. IV. 4), а высота колонны составлять семь диаметров ее толщины (IV. I. 8). В нашем храме толщина антовой стены составляла 0,6 м, следовательно, $H_k = 7D = 0,6 \times 7 = 4,2$ м. Расстояние между осями колонн – 2,3 м. Не вызывает сомнений, что портик храма, согласно условиям Северного Причерноморья и аналогиям, был фронтонным (Крыжицкий 2001. С. 172; ср.: Виппер 1972. С. 72). Учитывая свидетельство о появлении в Северном Причерноморье на рубеже VI–V вв. до н.э. архитекторов аттической школы, для определения высоты храма мы обратились к результатам анализа пропорций аттических храмов в антах дорического ордера, показавшим, что высота храма от стилобата до конька фронтона равнялась его ширине по внешним сторонам ант (Пичикян 1978. С. 75; ср.: Крыжицкий 2001. С. 173). Согласно этому методу реконструкции ордерных фасадов античных храмов, высота нашего храма, соответственно его ширине, составляла 7 м. Достоверность примененного метода подтверждена высотой сокровищницы афинян в Дельфах, равной его ширине (Bommelaer, Laroche 1991. P. 134, fig. 47; рис. 9). Данные реконструкции нашего храма позволяют определить в качестве аналогии его фасада именно эту сокровищницу, которая представляет собой храм в антах дорического ордера, датируемый началом V в. до н.э. (Bommelaer, Laroche 1991. P. 133–134). Высота нашего храма и его колонн равна высоте сокровищницы афинян и высоте ее колонн; толщина антовых стен (0,6 м), расстояние между осями колонн (2,3 м) обоих храмов идентичны (рис. 7, 9). Используя метод аналогии, можно сказать, что антаблемент нашего храма мог быть близким антаблементу сокровищницы афинян, составляя высоту ок. 2 м. Украшения на архитраве, вероятно, отсутствовали, что согласовалось с его назначением, т.к. скульптурная резьба ослабила бы его прочность: как указывает И.Б. Михаловский (1937. С. 83), «только священные надписи или металлические щиты иногда украшали архитрав». Фриз нашего храма мог иметь метопы и триглифы, последние располагались по одному над осью колонн и над промежутками между колоннами (ср.: Крыжицкий 1993. Рис. 37. 5). Дверь храма была, вероятно, выполнена в дорическом ордере. Соразмерность дорических дверей отличалась тем, что «верх карниза, помещающегося над верхней частью наличника, должен быть на уровне верхушек капителей колонн предхрамья» (Vitruv. IV. VI. 1).

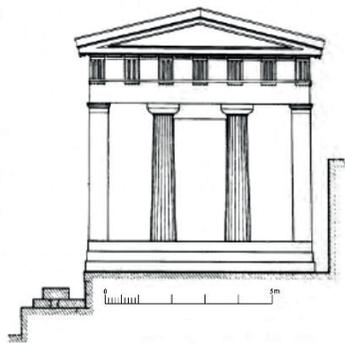

Рис. 9. Дельфы. Фасад сокровищницы афинян.

По: Bommelaer, Laroche 1991. P. 134, fig. 47.

Fig. 9. Delphoi. Facade of the Athenian Treasury.

According to Bommelaer, Laroche 1991. P. 134, fig. 47.

4. ΣΑΣΤΗΡ

В тексте Присяги граждан Херсонеса, датируемой второй половиной IV – началом III в. до н.э. (IOSPE³ III: 100), имеется форма ΣΑΣΤΗΡΑ, асс. sg., являющаяся гапаксом: τὸν σαστήρα τῷ δάμῳ διαφυλαξῶ καὶ οὐκ ἐχφερομυθησῶ τῶν ἀπορρήτων οὐθὲν οὔτε ποτὶ Ἑλλανα οὔτε ποτὶ βάρ[ρ]βαρον – «ΣΑΣΤΗΡΑ народу охраню и не передам на словах ничего тайного ни эллину, ни варвару, что может повредить городу» (Латышев 1892. С. 3). И.А. Макаров (2009) предположил, что σαστήρ – это фонетический вариант существительного σακτήρ ‘мешок’ у Гесихия (σακτῆρος θυλάκου), связанного с σάττω ‘набивать; наполнять’. Для σαστήρ в тексте присяги реконструируется значение ‘городская казна’. В результате перевод этого фрагмента звучит так: «Сохраню казну для народа и не разглашу никакой тайны ни эллину, ни варвару, если это способно нанести ущерб полису» (IOSPE³ III 100 – URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/3.100-ru.html> [12.06.2022]). В.П. Яйленко, оспаривая данную этимологию, справедливо заметил, что И.А. Макаров, возможно, преувеличил степень заведительствованности формы *σάζω, с которой связана форма σαστήρ. Однако это частность, которая не опровергает этимологию Макарова в целом. Яйленко (2018. С. 430) пишет о невозможности «производства *σάζω от σάττω». Разумеется, *σάζω не может фонетически восходить к σάττω (и наоборот). Дело в том, что σάττω/*σάζω – это хорошо известный пример рефлексов протогреческого колебания между глухим и звонким веларным согласным: наряду с σάττω (с *-k-) имеется существительное

σαυή ‘поклажа’; ср. также μάσσω (*k) ‘месить’ наряду с μάζα (*g) ‘тесто’ и др. (Шантрен 2001. С. 195). Таким образом, мы имеем не переход тт в ζ, а колебание *g/k, которое создает дублиеты, к числу которых относятся σακτήρ (с *k, к σάττω) и σαστήρ (с *g, к *σάζω). В этом случае принципиально не то, насколько засвидетельствован глагол *σάζω, а наличие g в исходной основе, а оно бесспорно, о чем говорит форма σαυή. Следовательно, у нас нет оснований отрицать возможность существования *σάζω (и, соответственно, производство σαστήρ от этого корня), даже если этот глагол слабо засвидетельствован. А.К. Гаврилов (2019. С. 22, 25) выдвинул предположение о том, что ΣΑΣΤΗΡΑ является фонетическим вариантом ζωστήρα, который в данном случае обозначает «священный (Воинский) Пояс». Это подразумевает допущение внутри одной формы сразу двух достаточно нетривиальных фонетических явлений, отраженных в написании сигмы вместо дзеты и альфы вместо омеги. Текст присяги не содержит каких-либо фонетических аномалий, поэтому возникает вопрос, почему в случае ζωστήρα понадобилась столь экзотическая трансформация фонетики. Значение «казна», которую гражданин обязуется «охранять» или «сохранять» (διαφυλάξω, fut.), вполне вписывается в данное место текста присяги, где говорится о верности гражданина государству¹⁷. Как известно, казна – необходимый атрибут государства, возникающий на самых ранних стадиях его существования (Маринович, Кошеленко 2000. С. 156).

Исследуемый нами храм мог служить местом (или одним из мест) хранения казны, по крайней мере той ее части, которая была связана с фрурионом. Это следует из значительной укрепленности данной территории. Именно на акрополе фруриона можно было контролировать доступ к храму и, соответственно, к казне: там не было близко примыкающей жилой застройки, и благодаря диатейхисме храм находился в обособленном от поселения пространстве, что, конечно, имело значение для обеспечения сохранности. Нахождение храма рядом с башней крепостной стены могло использоваться для охраны сокровищницы воинами гарнизона. Хранить всю казну в Херсонесе-городе едва ли было разумно как с точки зрения сохранности, так и с точки зрения чисто практических соображений: перемещать ценности из фруриона в город подразумевало как угрозу для их сохранности (учитывая варварское население, занятием которого был грабеж), так и неудобство при их использовании. Имя божества, которому был посвящен храм, не сохранилось, но в любом случае похищение казны из храма было бы религиозным преступле-

¹⁷ За консультацию по лингвистической стороне проблемы выражаю благодарность А.Е. Манькову (Институт языкознания РАН).

нием¹⁸. Наш храм типологически близок сокровищнице афинян в Дельфах. В качестве другого примера можно привести Березанское поселение, на теменосе которого находилось сооружение, чьи пропорции и малые размеры позволили предположить, что оно было сокровищницей (Крыжицкий 2001). Наличие опистодома – в данном случае помещения между задней стеной храма и крепостной стеной – также говорит в пользу возможности хранения казны в реконструированном нами храме. Ввиду узости этого пространства, там, вероятно, была лестница и вход на чердак храма, где и располагалась сокровищница¹⁹.

Отметим, что «састер» уже упоминался в предшествующей литературе в контексте «древнего Херсонеса»: мы видим удивительную интуицию в предположении Дж. Хайнда о том, что «древний Херсонес» (являвшийся, по Хайнду, убежищем, *refugium*, для владельцев наделов Маячного и прилегающей части Гераклеийского полуострова), – это и есть састер (Hind 1998. P. 150). Хайнд, по-видимому, исходил из того, что поскольку састер, согласно присяге, следует охранять, а «древний Херсонес» является укрепленным пунктом, подразумевающим, естественно, охрану, то састер можно отождествить с «древним Херсонесом». Это построение выглядит вполне логично, но из-за того, что лексическое значение слова *σαστήρ* тогда не было известно, его невозможно было ни принять, ни отвергнуть. В свете установленного И.А. Макаровым значения слова *σαστήρ* идея Хайнда, строго говоря, неверна, однако во время исследования Хайнда акрополь «древнего Херсонеса» и храм на акрополе не были введены в научный оборот. В противном случае английский ученый, вероятно, сделал бы вывод о нахождении састера на акрополе «древнего Херсонеса».

¹⁸ Ср. Эсхил, Персы, 786–790:

Богов престолы разорили, алтари
Расточены, раскиданы, разбиты в пыль.
За это всё, кто злое совершил, тот злом
Наказан будет злейшим.
(Пер. А.И. Пиотровского).

Если поэт считает возможным видеть в качестве одной из причин поражения персов осквернение ими эллинских святынь (пусть даже при условностях трагедии), то тем большим преступлением будет осквернение эллинского храма эллином.

¹⁹ Использование чердака храма в качестве сокровищницы не является уникальным явлением. Так, чердак Парфенона, возможно, использовался для хранения культовых ценностей и казны (Pore, Scahill, Schultz 2018). В храме Деметры (Конкордии) в Акраганте имелись лестницы, ведущие на чердак, помещение которого служило местом хранения драгоценных предметов, было кладовой для утвари храма (Шуази 1905. С. 385).

Заключение

Херсонес, обладая уникальной (до последнего времени) сохранностью хоры, позволяет характеризовать главные элементы полиса – город и хору – в их взаимосвязи и на различных этапах их существования. Поэтому исследование Херсонеса дает возможность целостного описания полиса, благодаря чему он предстает моделью греческого полиса и является примером освоения территории древними греками. Понимание логики и хода этого освоения является пониманием истории полиса. Создание полисной инфраструктуры в Херсонесе в исследуемый период определялось двумя факторами: демографической ситуацией на Гераклеийском полуострове и особенностями ландшафта. К базовым элементам полиса относятся: город, фрурион, дорога между городом и фрурионом, размежевка Маячного мыса, затем остальной территории Гераклеийского полуострова. Эти элементы полиса имели смысл только во взаимосвязи и при условии их одновременного функционирования (с конца V и в течение IV в. до н.э. – на размежевание Гераклеийского п-ова потребовалось определенное время) и являлись продуктом единого плана.

Создание укрепления на перешейке Маячного полуострова, отождествляемого с «древним Херсонесом» Страбона, датируется концом V – началом IV в. до н.э. и является одним из ключевых элементов в изначальной инфраструктуре полиса. Имеющиеся к настоящему времени сведения о «древнем Херсонесе», полученные благодаря раскопкам и реконструкции, можно суммировать следующим образом. Этот объект определяется как фрурион – укрепленный пункт за пределами города, созданный для овладения и контроля над территорией, изначальной занятой варварами. Он фиксирует западную границу полиса и, таким образом, закрепляет за ним территорию, лежащую между городом и фрурионом. После освоения всего Гераклеийского полуострова фрурион утрачивает свое первоначальное значение, и необходимость в нем как в военном объекте отпадает. Скорее всего, этим и объясняется то, что ко времени Страбона он обветшал и был разрушен или разобран. Παλαίος в этом случае означает, по-видимому, «устаревший, обветшалый». Что касается внутреннего устройства, то с достоверностью можно говорить о двух четко разграниченных участках фруриона – возвышенном и низинном. Первый участок являлся акрополем и предполагал возможность размещения гарнизона; там же находился реконструированный в этой статье храм. На низинном участке располагались порт и жилье.

Эта структура позволяет сделать некоторые соображения общего характера. Жизнь граждан в рамках полиса (как и в рамках любой общественно-государственной системы) подразумевает наличие двух

сфер – индивидуальной/частной и над-индивидуальной/универсальной. Это разграничение существует не только на понятийном уровне (ἴδιος vs. κοινός), но в том или ином виде всегда репрезентируется и на материальном, осязаемом, уровне, например, в планировке и структуре поселения. Естественно, греческий полис и входящие в него элементы также демонстрирует это разграничение. Так, функционирование фруриона связано с наличием нескольких зон – хозяйственной, жилой, фортификационной, общественной, сакральной. Самой яркой и ключевой особенностью здесь является четкая группировка и разграничение этих зон. Оно имеется не только на понятийном уровне, но материализовано самой планировкой данного объекта: это хозяйственная зона (katō polis) и сакрально-общественная – акрополь. При этом первая зона включает в себя жилую застройку, вторая – комбинируется с оборонительной функцией, т.к. акрополь – это также элемент системы фортификации. Разграничение этих двух зон в данном случае совершенно четкое, т.к. между ними в прямом смысле стена – диатейхисма. Следует еще раз подчеркнуть общественную функцию акрополя. Акрополь – это фактор единства граждан полиса, т.к. в случае военной угрозы он служит общим убежищем, являясь наиболее защищенным и при этом доступным для всех граждан пространством. В мирное время положение акрополя может использоваться для хранения там казны полиса, опять же благодаря защищенности и обособленности.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Бертье-Делагард А.Л.* Древности Южной России. Раскопки Херсонеса // Материалы по археологии России. СПб., 1893. Вып. 12. С. 1–64. [*Bertier de la Garde A.L.* Drevnosti Yuzhnoy Rossii. Raskopki Khersonesa (Antiquities of Southern Russia. Excavations in Chersonesus) // Materialy po arkheologii Rossii. St-Petersburg, 1893. Vol. 12. S. 1–64.]
- Бертье-Делагард А.Л.* О Херсонесе // Известия Императорской Археологической комиссии. 1907. Вып. 21. С. 1–207. [*Bertier de la Garde A.L.* O Khersonese (On Chersonesus) // Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii. 1907. Вып. 21. S. 1–207.]
- Буйских А.В.* Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь, 2008. [*Buyskikh A.V.* Prostranstvennoe razvitie Khersonesa Tavricheskogo v antichnuyu epokhu (Spatial development of Chersonesus Taurica in the ancient period). Simferopol, 2008.]

- Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 310–371. [*Vinogradov Yu.G., Shcheglov A.N. Obrazovanie territorial'nogo Khersonesskogo gosudarstva (Formation of the territory of the state of Chersonesus) // Ellinizm: ekonomika, politika, kul'tura. Moscow, 1990. S. 310–371.*]
- Виппер Б.Р. Искусство древней Греции. М., 1972. [*Vipper B.R. Iskusstvo drevney Gretsii (The art of Ancient Greece). Moscow, 1972.*]
- Гаврилов А.К. ТОН ΣΑΣΤΗΡΑ в Присяге херсонесцев // Исследования по древнегреческим надписям Северного Причерноморья. М.; СПб., 2019. [*Gavrilov A.K. TON ΣΑΣΤΗΡΑ v Prisyage khersonestsev (TON ΣΑΣΤΗΡΑ in the Oath of Chersonesus) // Issledovaniya po drevnegrecheskim nadpisyam Severnogo Prichernomor'ya. Moscow; St-Petersburg, 2019.*]
- Демьянчук С.Г., Нессель В.А. Новые данные о фортификационных сооружениях на перешейке Маячного полуострова // Херсонесский сборник. 2011. Т. 16. С. 65–78. [*Dem'yanchuk S.G., Nessel' V.A. Novye dannye o fortifikatsionnykh sooruzheniyakh na peresheike Mayachnogo poluostrova (New data on the fortifications on the isthmus of the Mayachny Peninsula) // Khersonesskiy sbornik. 2011. Vol. 16. S. 65–78.*]
- Домбровский О.И., Сидоренко В.А. Солхат и Сурб-Хач. Симферополь, 1978. [*Dombrovsky O.I., Sidorenko V.A. Solkhat i Surb Khach (Solkhat and Surb Хаç). Simferopol, 1978.*]
- Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. Т. 5, 6 / Пер. с франц., предисл. и примеч. Т.М. Фадеевой. Симферополь, 2009. [*Dubois de Montpéroux F. Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziiyu, Armeniyu i v Krym (A Journey through the Caucasus, to the Circassians and Abkhazians, to Georgia, Armenia and the Crimea). Vol. 5, 6 / Transl. T.M. Fadeeva. Simferopol, 2009.*]
- Зедгенидзе А.А. Атическая краснофигурная керамика из Херсонеса // Краткие сообщения института археологии. 1978. Вып. 156. С. 69–78. [*Zedgenidze A.A. Atticheskaya krasnogifurnaya keramika iz Khersonesa (Attic red-figure pottery from Chersonesus) // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. 1978. Vyp. 156. S. 69–78.*]
- Зедгенидзе А.А. К вопросу об удревнении даты основания Херсонеса Таврического // Российская археология. 1993. № 3. С. 50–56. [*Zedgenidze A.A. K voprosu ob udrevnenii daty osnovaniya Khersonesa Tavricheskogo (On the earlier date of the foundation of Chersonesus Taurica) // Rossiyskaya arkheologiya. 1993. N 3. S. 50–56.*]
- Зедгенидзе А.А. «Ученые путешествия» конца XVIII – начала XIX в. и исследование Херсонеса Таврического // Знание, понимание, умение. Научный

- журнал Московского гуманитарного университета. 2014. № 1. С. 205–213. [*Zedgenidze A.A.* “Uchenye puteshestviya” kontsa XVIII – nachala XIX v. i issledovanie Khersonesa Tavricheskogo (“Academic travels” of the 18th and the beginning of the 19th centuries and the study of Chersonesus Taurica) // *Znanie, ponimanie, umenie. Nauchnyi zhurnal Moskovskogo gumanitarnogo universiteta.* 2014. N 1. S. 205–213.] (a)
- Зедгенидзе А.А.* О начале исследования Херсонеса Таврического // ВДИ. 2014. № 2. С. 151–162. [*Zedgenidze A.A.* О nachale issledovaniya Khersonesa Tavricheskogo (On the beginning of study of Chersonesos Taurika) // *Vestnik drevney istorii.* 2014. N 2. S. 151–162.] (б)
- Зедгенидзе А.А.* Вопросы освоения хоры Херсонеса Таврического и проблема «древнего Херсонеса» Страбона // ВДИ. 2015. № 2. С. 40–55. [*Zedgenidze A.A.* Voprosy osvoeniia khory Khersonesa Tavricheskogo i problema “drevnego Khersonesa” Strabona (Land-division on the chora of Chersonesus Taurica and the problem of Strabo’s “ancient Chersonesus”) // *Vestnik drevney istorii.* 2015. N 2. S. 40–55.] (a)
- Зедгенидзе А.А.* Херсонес Таврический: территория города и хоры. V–IV вв. до н.э. // Восточная Европа в древности и средневековье. 2015. Вып. XXVII. С. 108–111. [*Zedgenidze A.A.* Khersones Tavricheskii: territoriya goroda i khory (V–IV vv. do n.e.) (Chersonesus Taurica: the territory of the city and the chora in the 5th–4th c. BC) // *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov’e.* 2015. Vol. XXVII. S. 108–111.] (б)
- Зедгенидзе А.А.* Проблема сакральных мест хоры Херсонеса Таврического // Знание, понимание, умение. Научный журнал Московского гуманитарного университета. 2015. № 1. С. 182–196. [*Zedgenidze A.A.* Problema sakralnykh mest khory Khersonesa Tavricheskogo (The problem of sanctuaries of the chora of Chersonesus Taurica) // *Znanie, ponimanie, umenie. Nauchnyi zhurnal Moskovskogo gumanitarnogo universiteta.* 2015. N 1. S. 182–196.] (в)
- Зедгенидзе А.А.* «Древний Херсонес» Страбона. Результаты исследований 1985–1990 гг. // ВДИ. 2016. № 76/3. С. 597–625. [*Zedgenidze A.A.* “Drevniy Khersones” Strabona. Rezul’taty issledovaniy 1985–1990 gg. (Strabo’s “ancient Chersonesus”. Results of research carried out in 1985–1990) // *Vestnik drevney istorii.* 2016. N 76/3. S. 597–625.]
- Зедгенидзе А.А.* Херсонес Таврический: пространственная организация и назначение укрепления на перешейке Маячного полуострова // ВДИ. 2019. № 79/3. С. 608–629. [*Zedgenidze A.A.* Khersones Tavricheskii: prostranstvennaya organizatsiya i naznachenie ukrepleniya na peresheike Mayachnogo poluostrova (Chersonesus Taurica: Spatial organisation of the stronghold on the isthmus of the Lighthouse Peninsula) // *Vestnik drevney istorii.* 2019. N 79/3. S. 608–629.]

- Зубарь В.М.* Еще раз по поводу интерпретации надписи в честь Агасикла, сына Ктесия (IOSPE P. № 418) // ВДИ. 2004. № 3. С. 89–99. [*Zubar' V.M.* Esche raz po povodu intrepretatsii nadpisi v chest' Agasikla, syna Ktesiya (IOSPE P. № 418) (Revising the inscription in honour of Agasicles, son of Ctesios (IOSPE P. № 418)) // *Vestnik drevney istorii*. 2004. N 3. S. 89–99.]
- Зубарь В.М.* Хора Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове. История раскопок и некоторые итоги. Киев, 2007. [*Zubar' V.M.* Khora Khersonesa Tavricheskogo na Gerakleyskom poluostrove. Istoriya raskopok i nekotorye itogi (Chora of Chersonesus Taurica in the Heracleian Peninsula. History of excavations and some results). Kiev, 2007.]
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Разведки между верховьем Казачьей бухты и противоположным берегом моря. Рукописный отчет. 1890 // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1.
- Кравченко Е.А.* До історії вивчення тубільного населення Криму доби раннього заліза // Боспорские исследования. 2010. Вып. 23. С. 133–154. [*Kravchenko Ye.A.* Do istorii vivchennya tubil'nogo naselenniya Krymu dobi rann'ogo zaliza (On the history of study of the aboriginal population of the Crimea of the period of the early iron age) // *Bosporskiye issledovaniya*. 2010. Vyp. 23. S. 133–154.] (a)
- Кравченко Е.А.* Таври і Херсонес // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах. 2010. Вып. 22. С. 51–70. [*Kravchenko Ye.A.* Tavri i Khersones (Tauri and Chersonesos) // *Drevnyaya i sovremennaya Tavrika. Arkheologicheskiy al'manakh*. 2010. Vyp. 22. S. 51–70.] (б)
- Кругликова И.Т.* Земельные наделы херсонеситов на Гераклейском полуострове // КСИА. 1981. № 168. С. 9–16. [*Kruglikova I.T.* Zemelnye nadely khersonesitov na Gerakleyskom poluostrove (Land allotments of citizens of Chersonesus on the Heracleian Peninsula) // *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 1981. N 168. S. 9–16.]
- Крыжицкий С.Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993. [*Kryzhitskiy S.D.* Arkhitektura antichnykh gosudarstv Severnogo Prichernomoria (The architecture of ancient states of the northern Black Sea coast). Kiev, 1993.]
- Крыжицкий С.Д.* Храм Афродиты на Березани. Реконструкция // ВДИ. 2001. № 1. С. 165–175. [*Kryzhitskiy S.D.* Khram Afrodity na Berezani. Rekonstruktsiia (The sanctuary of Aphrodite in Beresan. A reconstruction) // *Vestnik drevney istorii*. 2001. N 1. S. 165–175.]
- Кутайсов В.А.* Керкинитида. Симферополь, 1992. [*Kutaysov V.A.* Kerkinitis. Simferopol, 1992.]
- Латышев В.В.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889–1891 // Материалы по археологии России. 1892. № 9. [*Latyshev V.V.* Grecheskie i latinskie nadpisi, naidennye v Yuzhnoi Rossii v 1889–1891 (Greek

- and Latin inscriptions found in Southern Russia in 1889–1891) // *Materialy po arkeologii Rossii*. 1892. N 9.]
- Макаров И.А.* Греческое письмо, найденное в Херсонесе Таврическом, и проблемы интерпретации термина ΣΑΣΤΗΡ (IOSPE I, 401) // *ВДИ*. 2009. № 2. С. 49–61. [*Makarov I.A.* Grecheskoe pis'mo, naidennoe v Khersonese Tavricheskom, i problemy interpretatsii termina ΣΑΣΤΗΡ (A Greek letter found in Chersonesus Taurica and interpretation of the term ΣΑΣΤΗΡ (IOSPE I, 401)) // *Vestnik drevney istorii*. 2009. N 2. S. 49–61.]
- Маньков А.Е.* Текстологические заметки к Страбону и Фукидиду // *Аристей*. 2015. Вып. XI. С. 297–306. [*Man'kov A.E.* Tekstologicheskie zametki k Strabonu i Fukididu (Textual notes on Strabo and Thucydides) // *Aristeas*. 2015. Vyp. XI. S. 297–306.]
- Маринович Л.П., Кошеленко Г.А.* Судьба Парфенона. М., 2000. [*Marinovich L.P., Koshelenko G.A.* Sud'ba Parfenona (The fate of the Parthenon). Moscow, 2000.]
- Михаловский И.Б.* Теория классических архитектурных форм. М., 1937. [*Mikhailovskiy I.B.* Teoriya klassicheskikh arkhitekturnykh form (The theory of classical architectural forms). Moscow, 1937.]
- Нессель В.А., Демьянчук С.Г.* Античное поселение на западном берегу Казачьей бухты вблизи Херсонеса Таврического. Новые факты и предположения // *Международная научная конференция «Крым и Северное побережье Черного моря в археологических исследованиях 1956–2013»* (Варшава, 19–23.10.2015). Варшава, 2015. С. 55–56. [*Nessel' V.A., Dem'yanchuk S.G.* Antichnoye poseleniye na zapadnom beregu Kazach'yey bukhty vblizi Khersonesa Tavrichesкого. Novye fakty i predpolozheniya (Ancient settlement on the western shore of Kazach'ya bay near Chersonesus. New facts and hypotheses) // *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya "Krym i Severnoe poberezh'e Chernogo morya v arkeologicheskikh issledovaniyakh 1956–2013"* (Warsaw, 19–23.10.2015). Warsaw, 2015. S. 55–56.]
- Николаенко Г.М.* Древности Маячного полуострова. Археологическая характеристика памятников. Севастополь, 2018. [*Nikolaenko G.M.* Drevnosti Mayachnogo poluostrova. Arkheologicheskaya kharakteristika pamyatnikov (Antiquities of the Maiachnyi Peninsula. Archaeological attribution of the monuments and sites). Sevastopol, 2018.]
- Отчет Императорской археологической комиссии за 1890 г. СПб., 1893. [Отчет Императорской археологической комиссии за 1890 г. (Reports of the Imperial Archaeological Commission). St-Petersburg, 1893.]
- Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства в 1793–1794 годах. М., 1999. [*Pallas P.S.* Nablyudeniya, sdelannyye vo vremya puteshestviya po yuzhnym namestnichest-

vam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh (Observations made during travels in southern parts of the Russian state in 1793–1794). Moscow, 1999.]

Печёнкин Н.М. Разыскания на местности предполагаемого древнего Херсонеса. Лето 1905 г. // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 182, 2.

Пичикян И.Р. К методике реконструкций античных ордерных фасадов по архитектурным фрагментам // КСИА. 1978. № 152. С. 73–82. [*Pichikian I.R.* К методике реконструкції античних ордерних фасадів по архітектурним фрагментам (On the methodology of reconstructing ancient order facades using architectural fragments) // *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii.* 1978. N 152. S. 73–82.]

Подосинов А.В. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. I. Античные источники. М., 2009. [*Podossinov A.V.* Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov. T. I. Antichnyye istochniki (Ancient Rus in the light of foreign sources. T. I. Ancient sources). Moscow, 2009.]

Ростовцев М.И. Святилище фракийских богов и надписи бенифициариев в Ай-Тодоре // Известия Императорской Археологической комиссии. 1911. № 40. С. 1–42. [*Rostovtsev M.I.* Sviatilishche frakiyskikh bogov i nadpisi benifitsiariev v Ay-Todore (A sanctuary of Thracian gods and inscriptions of beneficiaries in Ay-Todor) // *Izvestia arkheologicheskoi komissii.* 1911. N 40. S. 1–42.]

Рыжов С.Г. Античный храмовый комплекс в северном районе Херсонеса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2015. Вып. XX. С. 5–30. [*Ryzhov S.G.* Antichnyi khramovyi kompleks v severnom rayone Khersonesa (The ancient temple complex in the northern area of Chersonesus) // *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii.* Simferopol, 2015. Vyp. XX. S. 5–30.]

Савеля О.Я. Археологические материалы к истории Гераклейского полуострова доколониционного периода // Херсонесский сборник. 1996. Вып. 7. С. 13–18. [*Savelya O.Ya.* Arkheologicheskiye materialy k istorii Gerakleyskogo poluostrova dokolonizatsionnogo perioda (Archaeological materials for the history of the Heracleian Peninsula of the pre-colonisation period) // *Khersonesskiy sbornik.* 1996. Vyp. 7. S. 13–18.]

Сапрыкин С.Ю. О внутренней колонизации Херсонеса Таврического // ВДИ. 1994. № 3. С. 126–143. [*Saprykin S.Yu.* O vnutrenney kolonizatsii Khersonesa Tavricheskogo (On internal colonisation of Tauric Chersonesus) // *Vestnik drevney istorii.* 1994. N 3. S. 126–143.]

Сапрыкин С.Ю. Древнее Причерноморье. М.; СПб., 2018. [*Saprykin S.Yu.* Drevnee Prichernomor'ye (Ancient Pontic littoral). Moscow; St-Petersburg, 2018.]

Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984. [*Solomonik E.I.* Graffiti s khory Khersonesa (Graffitos from the Chora of Chersonesus). Kiev, 1984.]

- Стржелецкий С.Ф.* Жертовник Гераклу из т.н. Страбоновского Херсонеса // Херсонесский сборник. 1948. Вып. 1. С. 97–106. [*Strzheletski S.F.* Zhertvennik Geraklu iz t.n. Strabonovskogo Khersonesa (Altar of Heracles from the so-called Strabo's Chersonesus) // Khersonesskiy sbornik. 1948. Выр. 1. S. 97–106.]
- Стржелецкий С.Ф.* Очерки истории Гераклеяского п-ва и его округи в эпоху бронзы и раннего железа (сер. II тыс. – V в. до н.э.) // НА ГМЗ ХТ. Севастополь, 1951. Ф. 1. Д. 1343. Л. 110ff.
- Стржелецкий С.Ф.* Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму. Севастополь, 1961. [*Strzheletskiy S.F.* Klery Khersonesa Tavricheskogo. K istorii drevnego zemledeliya v Krymu (Kleroi of Chersonesus Taurica. Towards the history of ancient agriculture in the Crimea). Sevastopol, 1961.]
- Суриков И.Е.* «Херсонес изначальный» или «Предхерсонесское поселение»? (Заметки на полях книги: Буйских А.В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь, 2008) // *Studia historica*. 2009. Вып. IX. С. 185–201. [*Surikov I.E.* «Khersones iznachal'nyy» ili «Predkhersonesskoye poseleniye»? (Zametki na polyakh knigi: Buyskikh A.V. Prostranstvennoye razvitiye Khersonesa Tavricheskogo v antichnyuyu epokhu. Simferopol', 2008 (“Archaic Chersonesus” or the “Pre-Chersonesus settlement” (notes on the margins of the book: Buyskikh, A.V. Prostranstvennoye razvitie Khersonesa Tavricheskogo v antichnyuyu epokhu. Simferopol, 2008) // *Studia historica*. 2009. Выр. IX. S. 185–201.]
- Толстиков В.П.* Святилище на акрополе Пантикапея // ВДИ. 1987. № 1 (180). С. 88–114. [*Tolstikov V.P.* Sviatilishche na akropole Pantikapeia (Sanctuary on the acropolis of Panticapaeum) // *Vestnik drevney istorii*. 1987. N 1 (180). S. 88–114.]
- Щеглов А.Н.* Фракийские посвяtitельные рельефы из Херсонеса Таврического // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. Материалы и исследования по археологии СССР / Под ред. Т.Л. Златковской, А.И. Мелюковой. М., 1969. С. 135–176. [*Shcheglov A.N.* Frakiiskie posviatitelnye rel'efy iz Khersonesa Tavricheskogo (Thracian dedicatory reliefs from Chersonesus Taurica) // *Drevnie frakiytsy v Severnom Prichernomor'ye. Materialy i issledovaniia po arkheologii* / Ed. T.D. Zlatovskaya, A.I. Melyukova. Moscow, 1969. S. 135–176.]
- Щеглов А.Н.* Полис и хора. Симферополь, 1976. [*Shcheglov A.N.* Polis i khora (Polis and chora). Simferopol, 1976.]
- Щеглов А.Н.* «Старый Херсонес» Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова: топография и фортификация // Проблемы истории и археологии Крыма / Под ред. Ю.М. Могаричева. Симферополь, 1994. С. 8–42. [*Shcheglov A.N.* “Staryi Khersones” Strabona. Ukreplenie na peresheike Mayachnogo poluostrova: topografiya i fortifikatsiya (Strabo's “Old” Chersonesus. Stronghold on the isthmus of the Lighthouse Peninsula. Topography and fortifica-

- tion) // *Problemy istorii i arkhologii Kryma* / Ed. Yu.M. Mogarichev. Simferopol, 1994. S. 8–42.]
- Шуази О.* История архитектуры. Т. 1 / Пер. с франц. Н.С. Курдюкова. М., 1906. [*Choisy A.* *Istoriya arkhitektury* (History of architecture). Vol. 1 / Transl. from French by N.S. Kurdyukov. Moscow, 1906.]
- Яйленко В.П.* Источниковедческий анализ античных известий об основании Фанагории и Гермонассы, об Археанактидах, «синдской диасфагме», херсонесском састере; еще раз о легендах монет Феодосии и Нимфея // *Древности Боспора*. 2017. Вып. 21. С. 398–440. [*Yailenko V.P.* A source analysis of ancient evidences of foundation of Phanagoreia and Hermonassa, of the Arhaeanaktidae, a “Sindian diasphagma”, Chersonesian saster; once again on the coin legends of Theodosia and Nymphaeum // *Drevnosti Bospora*. 2017. Vyp. 21. S. 398–440.]
- Bommelaer J.-F., Laroche D.* Guide de Delphes. Le site. Paris, 1991.
- Chantraine P.* Morphologie historique du Grec. Paris, 1947 (Russian translation, 2001).
- DeMarais E., Castillo L.J., Earle T.* Ideology, Materialization, and Power Strategies // *Current Anthropology*. 1996. N 37 (1). P. 15–31.
- Hind J.* Megarian Colonisation in the Western Half of the Black Sea (Sister-and Daughter-Cities of Heracleia) // *The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology* / Ed. G.R. Tsatskheladze. Stuttgart, 1998. P. 131–152.
- Lavas G.P.* Altgriechisches Temenos: Baukörper und Raumbildung. Ideogramma der baulichen Gruppenorganisation. Basel; Stuttgart, 1974.
- Lawrence A.W.* Greek Aims in Fortification. Oxford, 1979.
- Nielsen T.H.* A Phourion. A Note on the Term in Classical Sources and in Diodorus Siculus // *Even More Studies in the Ancient Greek Polis* / Ed. T.H. Nielsen. Stuttgart, 2002. P. 49–64.
- Polignac F. de.* Cults, Territory and the Origins of the Greek City-State. Chicago; London, 1995.
- Pope S., Scahill D., Schultz P.* The Parthenon’s Attic. Abstract. 19th International Congress of Classical Archaeology. Session 7.4: Financial resources and management in the sanctuaries in Greece (22–26 May, 2018). Cologne; Bonn, 2018.
- Rönnlund R.* A City on a Hill Cannot Be Hidden: Function and Symbolism of Ancient Greek Akropoleis. Gothenburg, 2018.
- Snodgrass A.* The Rural Landscape and its Political Significance // *Opus: International Journal for Social and Economic History of Antiquity*. 1987. N 6–8. P. 53–70.
- Sokolicek A.* Diateichismata: Zu dem Phänomen innerer Befestigungsmauern im griechischen Städtebau. Wien, 2009.
- Trigger B.* Monumental Architecture: A Thermodynamic Explanation of Symbolic Behaviour // *World Archaeology*. 1990. N 22/2. P. 119–132.

Winter F.W. Greek Fortifications. London, 1971.

Wycherley R.E. How the Greeks Built Cities. London; Melbourne; Toronto, 1967.

Angelina A. Zedgenidze

CHERSONESUS TAURICA: BOUNDARIES OF THE POLIS AND ITS ELEMENTS IN THE LATE 5TH – 4TH CENTURIES BC

This article studies the spatial structure of the polis of Chersonesus, the interrelationship of its elements and dependence of their relative arrangement on geographical features of the Heracleian Peninsula, i.e. the area where the city of Chersonesus and its chora were located. The main territorial elements of the polis were the city itself; the stronghold in the isthmus of the Lighthouse (Mayachny) Peninsula; the road between the city and the stronghold; landplots in the Lighthouse Peninsula and – later – in the remaining territory of the Heracleian Peninsula. These elements made sense only in their mutual relationship and on condition of their simultaneous functioning (from the end of the 5th c. and during the 4th c. BC). The stronghold in the isthmus of the Lighthouse Peninsula (identified as Strabo's "ancient Chersonesus") is described as a phourion of Chersonesus. Its aim was to maintain control over the territory which was originally populated by the Tauroi. The phourion marked the western boundary of the polis and, therefore, helped to control the area between the city and the Lighthouse Peninsula. The definition as a phourion is due to the fact that this site is undoubtedly a stronghold, as it has fortification walls with towers. Further, it is situated at a certain distance from the city, but, due to its geographic location, can belong only to Chersonesus and cannot be an independent settlement. It can be stated with assurance that the phourion was divided in two areas by a crosswall, i.e. the diateichisma discovered by Pechenkin. The fortification walls defended not only the lower, inhabited, part of the isthmus, but the whole of its territory. The fact that the elevated area of the isthmus was not built over and not inhabited, but was nevertheless walled off and had a temple, allows us to define this area as an acropolis of the phourion. After the whole territory of the Heracleian Peninsula had been divided into plots, the phourion naturally lost its original fortificatory significance. This may explain why by the time of Strabo it was ruined: its fortifications could simply become decrepit and were dismantled. The article also reconstructs the temple in the acropolis and puts forward a hypothesis that this temple could be used as a treasury.

Keywords: polis, chora, Tauroi, Strabo's "ancient Chersonesus", akropolis

DOI: 10.32608/1560-1382-2023-44-136-173